

В. Н. Рудаков

МОНГОЛО-ТАТАРЫ

глазами древнерусских книжников
середины XIII—XV вв.

оцифровано
ColonEast

МОСКВА
Квадрига
2009

ном в Послании, нашел отражение в летописных записях о «стоянии на Угре»⁷. Кроме того, вскоре, примерно в 1499 году, Послание оказывается помещенным в текст первой редакции Вологодско-Пермской летописи⁸, а позднее – и в другие летописные своды⁹.

Обстоятельства создания памятника предопределили остро публицистический характер Послания. Судя по всему, произведение Вассиана Рыло было составлено в тот момент, когда Иван III под влиянием придворных группировок проявлял колебания относительно перспектив прямого противостояния войску Ахмата. Действительно, как показали исследования, в 1480 году в ближайшем окружении великого князя достаточно активно обсуждался вопрос о целесообразности борьбы с надвигающимся на Москву ханом. В связи с этим ряд лиц призывал Ивана III отказаться от военного противостояния с законным правителем Орды: по словам древнерусского книжника, эти люди «ни думачи противъ татаръ... стоять, и битися, думачи бежати прочь, а христьянство выдати»¹⁰. Сам Вассиан определял сторонников примирительно-пореволюционной тактики как «льстивыхъ, щещущихъ во убо... сже продати христьянство». Еще резче называет их автор летописного рассказа о «стоянии на Угре»: «злые человеки – сребролюбцы, богатые и брюхатые, *предатели христьянские*, а наровники бесерменские», «сам бо диавол их же усты глаголаше»¹¹.

⁷ «Наиболее ранними летописными памятниками, отражающими события 1480 года, по мнению Я. С. Лурье, можно считать ростовский владычный свод, четинопись в Типографской летописи и в сводах с ним в этой части Приуральем и Уфимским водами "Летописца от 72-х княз", и летописные тексты, представляющие московский великокняжеский свод 1479 года, представляющие Московским сводом воина XV века по Уфимскому списку, Симонской летописи и др. Как показал Я. С. Лурье, великокняжеские своды покрываются на ростовскую повесть, составленную в кругу, близком к Вассиану Рылу; их сопоставительная часть в основном идентична рассказам летописных памятников, восходящих к ростовскому своду. См. погр.: Лурье Я. С. Из истории русского летописания конца XV века // ПДРП. Т. 11. М.; Л., 1955. С. 158–159; Он же. Обзор русских летописей XIV–XV вв. Л., 1976. С. 218–219; Он же. Две истории Руси XV века... С. 174–181. Ср.: Шахматов А. А. Обзорные русские летописные своды XIV–XVI вв. М., Л., 1938. С. 295–296.

⁸ А. А. Шахматов допускал, что Послание могло быть включено в состав т.н. «христьянского владычного свода». См.: Шахматов А. А. Обзорные... С. 293. Ср.: Лурье Я. С. Обзорные русские летописи... С. 218–219.

⁹ Так, текст Послания содержится в Софийской II, Львовской и др. летописях XVI века. Общим источником указанных летописей явился «Свод 1518 года», восходящий, судя по всему, к неофициальному своду 80-х годов XV века. См.: Лурье Я. С. Обзорные русские летописи... С. 210–213, 223–240; Он же. Две истории Руси XV века... С. 183.

¹⁰ См.: Неплюев В. Д. Книга константиновского ига // ИИ. 1980. № 10. С. 116; Он же. Сокровище ордынского ига. М., 1983. С. 46–52; Гребенев В. П. Борьба с ордынскими завоевателями после Куликовской битвы и ее отражение в памятниках литературы I половины XV века // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 61–62; Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 94–104; Лурье Я. С. Две истории Руси XV века... С. 190–193.

¹¹ Здесь и далее летописный рассказ о «стоянии на Угре» цитируется по Типографской летописи. См.: ПДРП. Вторая половина XV века. С. 516.